

Виктория Лукьянова

*Снежный
Роман*

16+

Виктория Лукьянова

Снежный роман

Серия «Снежные истории», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66898088

SelfPub; 2021

Аннотация

Новый год – пора чудес и романтики, время, которое можно и нужно провести с теми, кого любишь. Но что делать, если праздничное настроение испорчено увольнением и видеть друзей не хочется? Оля решает, что раны нужно зализывать там, где воздух чище и люди добрее, поэтому и отправляется в гости к бабушке в деревню, а судьба подкидывает ей подарок – встреча на заснеженной дороге с тем, на кого Оля злится сильнее всего. Ее бывший босс, попавший в снежный плен...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виктория Лукьянова

Снежный роман

Глава 1

– Я хочу начать сначала, – говорю сдержанно, но внутри кипит злость.

– Да ладно, Оль, не нужно так нервничать. Ты слишком грузишься из-за того, что произошло.

Ксению очень сложно убедить, и у меня в очередной раз не получается. Она словно чувствует, как я закипаю, и подкидывает дровишки в печку мой злости. Я цепляюсь за руль и маневрирую по нечищенной дороге. Кругом белым бело. За ночь выпала недельная норма снега. Местами замело по самые бубенчики. Но разве снег остановит того, кто пылает праведным гневом? Вот и меня не остановил.

Проклиная занесенную дорогу, я аккуратно выкручиваю руль и возвращаю старую, но крепкую и чертовски надежную ниву в колею и еду дальше. Нужно держать себя в узде и не позволять чувствам захлестнуть. Не хватало еще сорваться с дороги и улететь в кювет. И это на практически мертвой дороге – здесь машин десять – двадцать за день проезжает, и это в хорошую погоду, а в канун Нового года и того меньше.

Меня же тут не найдут до весны!

– Ксюха, ты меня не переубедишь.

– Ну же, не ворчи. Возвращайся в город. Соберемся старой компанией. Будут все наши, только тебя и не хватает. Опять пойдем на елку в центр, будем пить шампанское и пускать фейерверки.

Я живо представляю картинку: мороз щиплет за нос, вокруг шумно и толпа то напирает, то отступает. Все пьяны и счастливы. Праздник в самом разгаре. И мне блин это чертовски нравится. Но не сегодня. Не в этот раз. Об этом я и сообщаю подруге, чуть сбавляя скорость. Впереди дорога становится еще хуже.

– Давайте без меня. Уверена, никто не огорчится.

– Ты ошибаешься...

– Ксю, если бы ты видела мое лицо сейчас, то передумала приглашать.

– Пыхтишь как ужаленный хомячок!

– Я сброшу.

– Нет-нет! Я молчу!

Хмыкнув, крепче перехватываю руль. В колее заметны следы. Кто-то проехал до меня. Что же, неплохо. Хотя чуть-чуть дорога укатана, и видно куда ехать.

– Слушай, мне действительно не очень удобно говорить. Дорога плохая.

– Надеюсь, ты хоть не на своей пузодёрке поехала в деревню коровам хвосты крутить?

– Нет конечно, – ворчу в ответ. У Ксении стойкие ассоциации с деревней – коровы, сараи, куры и помет. А еще отсутствие дорог, электричества, воды, газа и еды. Мол, питаются люди там травой и молоком сразу из-под коровы. Мне жаль подругу, уж слишком она дикая. – На отцовской ниве поехала.

Слышу, как Ксения выдыхает. Хочу выдохнуть тоже, но не получается. Машину немного бросает по колее, я не сдерживаюсь и ругаюсь, а воображение подруги дорисовывает картинку.

– Черт, Олька! Ну я же говорила! Ты разобьешься! Ты погибнешь там!

Кажется, у кого-то с фантазией совсем беда. Сдержанно улыбаюсь и произношу совершенно спокойным голосом:

– Давай я позвоню, как доберусь?

– Конечно, дурында! Черт побереи, не стоит этот гамадрил твоих обид!

Бьет под дых. Я прикусываю губу и чувствую, как глаза затягивает пеленой. Опять слезы! Ненавижу слезы.

– Я же просила...

– Молчу!

– Тогда до связи.

– Оль...

До меня долетает лишь имя, но я вовремя нажимаю кнопку. Вынимаю из уха наушник и бросаю его на соседнее кресло. Хватит с меня разговоров. Ксении слишком много в мо-

ей жизни. Она пытается поддерживать, а я пока не готова раскрываться и уж тем более жаловаться, хотя уже все всё знают.

Сглатываю противный солоноватый комок и возвращаю внимание дороге. До бабушкиной деревни осталось буквально километров десять – пятнадцать. Из-за обилия снега ориентируюсь с трудом, но память не подводит. Я добираюсь до поворота, принимаю налево, проезжаю еще один километр и осторожно жму по тормозам. Впереди меня застаёт практически ожидаемая, но все же внезапная картина.

Красная машина как капля крови на снегу развернута поперек дороги. Рядом маячит высокая худощавая фигура в стильном пальто. Какой-то залетный принц, не иначе. Сдерживаю ухмылку и выдыхаю. Придется помогать, раз уж нам, судя по всему, по пути. Эта дорога единственный подъезд к бабушкиной деревне. Чистится она редко, так как население там человека полтора, не больше. Да и чистят ее в основном местные: дядя Леша на своем тракторе, когда не пьян, или его сын, когда тоже не пьян. Но раз еще никто не почистил, то подготовка к Новому году идет полным ходом.

Я торможу на безопасном расстоянии. Не хотелось бы нарваться на неприятности. Помогать на дорогах хорошая вещь, если кто-то не пытается тебе при этом проломить череп. Навряд ли пижон захочет завладеть старой машиной, но подстраховка нужна всегда.

Бросаю взгляд на приборную панель и на телефон. Одно

деление. Связи практически нет. Повезло же чудаку попасть в неприятности именно тут, в глухой зоне да еще 31 декабря.

Мое приближение несчастный принц замечает не сразу. Он стоит спиной ко мне, одна рука поднята и прижата к уху. Видимо, пытается дозвониться и, судя по всему, безуспешно.

Я сигналю. Он подскакивает, резко оборачивается, роняет телефон. Выглядит забавно. Шапка немного перекошена, по самый нос натянут шарф. Ну такой, исключительно мужской – темно-серый в крупную клетку. И украшен он теперь белой ледяной коркой у рта и носа.

Поднимается пар, шарф шевелится. Ругается. Наверное, ругается. Вижу, как темнеют глаза, но тут же зрительный контакт прекращается. Мужчина нагибается и скрывается за боком пижонской пузодёрки. У меня примерно такая же, только черная и дешевле раз в пять.

Пока он копошится в снегу и ищет телефон, я времени зря не теряю. Глушу мотор, вынимаю ключи. Поправляю свою шапку и выбираюсь из салона. В багажники у отца всегда есть набор для помощи на дорогах, особенно зимой. Достану трос, вытяну красную машинку и поеду дальше. План яснее голубого неба над головой.

Собрав нужные инструменты, заодно хватаю лопату и направляюсь к неудачнику.

– Эй, помощь нужна? – хмыкаю и останавливаюсь с другого бока машины. Мужчина как раз крутит в руке телефон

и что-то ворчит под нос. Неужто новомодный гаджет сдох от отечественного мороза?

– Да, нужна, – до меня доносится хриловатый голос.

– Ну, тогда держи лопату.

Нет, я могу капать сам. Умею. Руки не боятся мозолей, а спина физических нагрузок. Да и с отцом столько раз бывала в подобных переделках: то вытаскивали машину из ювета, то откапывали из снега... Я даже считать не хочу, сколько раз проделывала подобное, но поддеть печального принца хочется. Ибо нефиг в деревню зимой на таких машинах кататься. Вон я же подготовилась. Однако мой жесткий юмор не оценили.

Пижон с силой засовывает смартфон в карман пальто и торопливым шагом направляется ко мне. Второй рукой он дергает шарф, и его лицо больше не остается для меня загадкой.

Чертов гамадрил смотрит глазками-бусинками, а злость во мне вскипает и бурлит как лава.

Глава 2

Я сжимаю лопату как оружие.

Небеса слышали мои молитвы? Дед Мороз наконец-то убедился, что я была хорошей девочкой весь год? Да это же судьба!

– Простите, – он смягчает напряженное лицо и улыбается.

Улыбается! Да как еще он смеет! Я напрягаюсь в ответ, присматриваюсь. Нет, не узнал. Да и не узнает. С чего бы это вдруг? Ведь я одна из многих, из тысяч в его компании, уже бывшей компании, в которой отработала три года. Три года коту под хвост из-за него!

А он Босс Боссович. Человек, которому плевать на своих сотрудников. Он не знает их в лицо, не общается и даже не появляется в компании. А если и бывает, то сидит на своем этаже и не высовывается. Потому что на таких, как я, ему плевать. Расходный материал. Вот и вся разница.

– Солнце слепило и меня занесло. Не думал, что здесь такая беда с дорогами. – Гамадрил разводит руками, указывая на снег.

Да ладно! А ты думал, на курорт едешь? Я держу экспрессию под замком, натягиваю на лицо маску учтивости и понимания и опускаю лопату. Убить бы его, да еще в такой глуши. Никто ведь не узнает... Да не могу. Но знаю, как потешить

свое самолюбие.

– Да-да, ночью снегопад был.

– В городе-то уже почистили, – вторит он, явно не понимая, что мой елеинный голосок лишь для прикрытия вселенской ненависти. – Еще связь не ловит. А вы так удачно мне попались. Спасибо, что остановились. Боюсь, тут вообще никто не ездит.

– Почему же, ездят. Только не в праздники. И не накануне.

Мужчина, кажется, понимает и озадаченно качает головой.

– Вы сможете выдернуть машину?

Я хмурю брови и смотрю на его красную бабскую машинку. Ну, конечно же, такой баловень судьбы будет кататься исключительно на модных тачках. Зачем ему напрягаться и работать с утра до ночи, как я? Все же на блюдечке с голубой каемочкой, да золотой ложечкой принесут и сразу в рот.

– Постараюсь. – Пожимаю плечами, ругая себя. Нужно было проехать мимо. Показать ему фак и умчаться в закат. Да чтоб его тут волки драли. – Но боюсь, одна я не справлюсь. Держите лопату.

Пижон смотрит на инструмент, и левая бровь удивленно ползет вверх. Тихо хмыкаяю в ответ. Говорила же я Ксюхе, что этот гамадрил, как она его прозвала, ничего в жизни сам не делает. Даже приказ на сокращение передает через третьих лиц. А ведь мог... Хотя, зачем ему пачкаться. Дело сделано:

я без работы в канун праздников, он в шоколаде. Правда, справедливость на моей стороне. Сейчас он по бубенчики в снегу.

– Да уж, – тяну я и обхожу машину, со знанием дела рассматриваю, как некогда отличный бампер увяз в сугробе и треснул. Мысленно ликую. Много денег он не потеряет, но с ремонтом повозится. Машину только жалко, она не заслуживает такого идиота в качестве прокладки между рулем и сиденьем.

Из-за спины слышится громкий выдох. Кажется, он только увидел, как изуродовал машину. Но следующие слова меня несколько озадачивают:

– Кстати, мы с вами незнакомы?

Внутри все обмирает. Неужели знает меня? Но как? В нашем отделе числилось человек сто, не меньше, а Его Величество (а ведь с принцем я не ошиблась) ни разу так и не побывал в огромном шумном кабинете. От воспоминаний в груди теплится огонек – столько хороших людей осталось там, а я, к сожалению, оказалась на помойке. Впрочем, не только я получила уведомления о сокращении.

– Нет, не думаю.

– Но вы едете в Алексеевку?

Киваю и перехватываю лопату. Держусь из последних сил, чтобы не съездить ему по морде лица.

– Да, туда. У меня там бабушка живет.

– О как. – Мужчина встает рядом. – А у меня там дед.

Давно предлагал ему перебраться в город. Ну, или в поселок поближе. А он уперся как баран.

В его голосе звучит раздражение и капелька смеха. Чувство резонирует с моим. Бабуле мы тоже предлагали перебраться поближе к нам. Так было бы проще ее навещать и помогать. Но она такая же упертая, о чем я сообщаю вслух и слышу смех. Искристый, звонкий и сладкий. Ежусь от неприятного ощущения. Не ржать бы ему конем, а лопатой махать.

Но зачем ему помогать?

Чертик, сидящий на плече, дергает за волосы и шепчет на ухо.

А ведь он прав! Зачем? Я осталась без работы в канун праздников. Я пропустила ежегодный корпоратив и не повеселилась с друзьями. Я оказалась за бортом всеобщего праздника. Одна. Совсем одна. По его вине...

Сжав губы, я оборачиваюсь и толкаю ему в живот черенком лопаты.

– Вот. Копайте.

Мужчина ошарашенно отступает от меня, поскальзывается и чудом остается стоять на ногах. Я ударила слишком сильно, но совесть молчит. Зато черти ликуют.

– Что? – выдыхает он.

– Говорю, копайте сами. А мне пора.

– Не понял...

– А чего тут непонятного-то, Андрей Львович?

– Мы знакомы? – вылетает следом.

– Я знаю вас. А вы меня нет. – Гнев застилает глаза. Пусть лопата будет у него, чтобы защищаться. Иначе я самолично его закопаю в сугробе. – Удачи вам с раскопками.

Разворачиваюсь и резво пробираюсь по снегу, не жалея в сотый раз, что оделась как полагается для данной погоды и поездки. Высокие сапоги утопают в снегу, но мне комфортно и тепло, а вот принц уже набрал полные галоши, то есть в итальянские ботинки. Насчет обуви я не придумываю, слухи ходили, что молодой господин затаривается только за рубежом.

– Эй, стой!

– Лопату можно не возвращать. Я вам ее дарю. Все-таки праздник!

– Да не нужна мне лопата!

– Вот как? – Я даже от удивления оборачиваюсь и вижу, как покраснелось лицо Босс Боссыча на морозе. На фотографиях, которыми были украшены стены в компании, он выглядел иначе. Там строгий, с прической волосок к волоску, в белоснежных рубашках и строгих костюмах. Эталон офисной элиты. Сейчас же к покрасневшему лицу добавился шальной взгляд и возмущенное пыхтение.

– Вы не умеете копать?

– Что?

Киваю на лопату.

– Этой штукой снег копают.

– Да черт бы вас побрал! Я знаю, что делают с лопатой!

– Тогда в чем проблема?

– Проблема? – он возмущенно открывает рот, глотая ледяной воздух, и закашливается. Я изгибаю бровь и жду объяснений. Пусть удивит. Навряд ли я поменяю свое решение бросить его тут, но хотя бы посмакую его жалкие попытки. – Я не вытащу машину сам. Даже с помощью этой лопаты.

– Тогда ждите помощь.

– Помощь? Да тут ни души!

Ага, психует. Злится. Огрызается. Раздулся как петух, выпятив грудь.

– Удачи вам. – Махаю рукой и разворачиваюсь. Не хочу больше видеть его лицо.

– Ты бросишь меня тут? За что? – В спину летит упрек. Вот попросил бы по-хорошему... Хотя нет.

Качаю головой, отгоняя мысли. Я могла бы вернуться и ответить. Могла бы рассказать о каждом дне, который посвятила любимой работе и дорогому коллективу. Но внутри отчего-то все сворачивается тугим узлом и щемит в сердце. Вновь слезы наворачиваются, царапая глазное яблоко льдинками-капельками. Быть слабой перед этим кретином не хочу.

– Да чтоб тебя!

Теперь вслед летят проклятия. Хорошо, что не лопата. Наплевать. Ведь ему было плевать, когда подписывал приказ.

Глава 3

Дом встречает меня теплотой и ароматом свежей выпечки. Я жмурюсь от удовольствия и весь негатив, который тащила на себе после встречи с гамадрилом, испаряется.

– Оленька, ну наконец-то! Я уж заждалась тебя! Хотела отцу твоему звонить.

На пороге из узенькой, но самой красивой кухни выглядывает бабуля и, стряхивая невидимые пылинки с цветастого фартука, мчится ко мне. Для своего возраста она удивительно энергичная и сильная. Я ахаю в ее объятиях и жмурюсь вновь. Вот оно счастье. Настоящее счастье, приправленное корицей.

– Печенье или булочки?

– То и другое, – хмыкает бабуля, расцепляя объятия и отходя от меня на один шаг. – Что же так долго? Я вся измаялась, пока ждала. Места себе не находила. Дорога совсем плохая?

– Да. – Киваю и ставлю у ног пакеты.

Бабуля следит за моими руками, рассматривает пакеты и хмурится.

– Ну зачем, Оль? Все же есть.

– Подарки от родителей. И немного мелочей.

Она качает головой и наклоняется, чтобы взять один из

фирменных пакетов самого большого супермаркета нашего города.

– Раздевайся и приходи на кухню. Чай горячей пить будешь. Вон вся красная от холода. Небось, еще на своей машинке крошечной приехала.

Я смеюсь над бабулиным ворчанием. Вообще, она не очень любит, когда я приезжаю сама за рулем. Есть у нее некое предубеждение относительно того, что должен делать и уметь мужчина, а что женщина. Поэтому мое стремление взобраться по карьерной лестнице ее тоже никогда не воодушевляло. С большим энтузиазмом бабуля бы нянчилась с правнуками, пока здоровье, как она говорит, позволяет.

– Нет, я на отцовской. Нива самое то для таких дорог.

Бабуля, что-то пробурчав под нос, уходит на кухню. Я усмехаюсь и чувствую, что счастье, которое встретило меня в доме, заполняет до краев. Скинув куртку, вешаю ту на крючок и шлепаю в тапочках по дому, направляясь в мою комнату. Распахнув дверь, с удовольствием рассматриваю узенькую комнату, которая совсем не меняется. Разве появилось новое покрывало на кровати. Все так же – у стены шкаф советских времен, рядом низкий комод и стул со спинкой. Напротив та самая кровать, на которой я с трудом помещаюсь, но которую в жизни ни на что другое не променяю. Потому что она моя. Потому что тут все для меня. Присев на кровать, боюсь помять покрывало. Все еще помню, как бабуля раньше заставляла всегда за собой всё поправлять. Улыбнувшись,

шись, вытягиваю ноги и разминаю теплеющими ладонями шею. Я дома. Второй мой любимый дом. И, наверное, самый дорогóй сердцу.

Напьюсь чаю с вареньем и булочками, переоденусь в вязаные носки, которые традиционно готовит в качестве подарков на каждый Новый год бабуля, заберусь на диван, усеянный подушками, и, почесывая кошку Фросю за ушком, буду слушать последние новости из жизни села.

Разве это не есть счастье? Простое человеческое счастье. И пусть все плохое, что встретилось мне на пути (в том числе тот гамадрил) останется позади.

Через десять минут я уже сижу на кухне, пью чай, болтаю ногой под столом так, чтобы не видела бабуля, и слушаю ее голос. Приятный, чуть-чуть мелодичный и задорный, стоит ей пересказать, как дядя Леша свой трактор по осени чинил. Смеюсь залиvistо, утираю слезы и себе не верю, что могу вот так наконец-то расслабиться. Пожалуй, в сокращение есть свой неоспоримый плюс – мне больше не нужно трястись над рабочими вопросами, которые даже во сне снились. Я могу наслаждаться каждой минутой, проведенной в отличном месте.

– Ба, кстати, родители, скорее всего, не смогут приехать на праздники.

– Потому что ты забрала отцовскую машину? – ворчит она.

– Нет! Конечно же, нет. – Меня нисколько не задевает ба-

булин упрек. – У них там планы грандиозные. Тетя Марина приезжает со всем своим семейством.

Тетя Марина – это сестра моей мамы. Пусть я у родителей единственный ребенок, но у тетки таких детей несколько, и все они давно не бывали в гостях. Так что дома, который я так поспешно покинула, будет шум и гам. Именно этого я и пыталась избежать, пакуя дорожную сумку и выманивая ключи у отца в обмен на свою крошку.

Уж лучше раны зализывать в тишине, не притворяясь, чем портить лицо лживыми улыбками.

– Да, да, Саша говорил. Ну ладно, как будет время, придут. Я же никуда не денусь, – усмехнувшись, бабуля присаживается напротив. В ее руках кружка, которую я подарила восемь лет назад. И, пожалуй, поменяет она кружку, пока эта не разобьется. – Оленька, я могу тебя попросить о небольшой услуге?

– Конечно, – киваю и закидываю в рот самое вкусное варенье на свете. Такое земляничное только моя бабуля варит.

– Отнесешь дяде Пети пирог? Я для него специально испекла. Просил с картошкой и мясом. У него гости приезжают. Хочет угостить. Но ты же знаешь, как он готовит.

Я морщу носик и залиvisto смеюсь. Конечно же, знаю. Дядя Петя – сосед бабули. Он живет здесь столько же, а может даже дольше бабули. Был женат, но, овдовев, так и остался в деревне. Готовит неплохо, но выпечка точно не его конек. Однажды угощал нас домашним печеньем по бабулино-

му рецепту. Я чуть без пломбы не осталась, о чем тогда и сообщила всем. Он не обиделся, но больше за кулинарные эксперименты не брался.

– Хорошо. Чай допью и схожу. Еще бы мне лопату. Надо снег почистить.

Бабуля, кивнув, пододвигает поближе чашечку с вареньем.

– Кушай, не стесняйся.

– Ба, когда я стеснялась?

Она смеется и качает головой. Дальше мы приступаем к обсуждению меню на новогоднюю ночь, благо мне остается лишь мелочь, ведь бабуля предусмотрительно уже наготовила наперед. Я, натянув поверх домашней одежды куртку и шапку, вправляю свои ноги в валенки и ухожу, прихватив пирог для дяди Пети. Заодно повидаюсь с ним, поболтаю.

Все-таки так приятно быть здесь. Здесь, где нет печали и обид.

Глава 4

– Ты опаздываешь. – Мой дед выходит из двора и смеется.

Вот только мне не до смеха. Разбитый бампер, отвратительное настроение и мужичок на ржавом уазике, которому пришлось прилично отвалить наличных денег, чтобы вытащил меня и сопровождал до деревни. И что за люди пошли? Где взаимовыручка? Хоть чуточку понимания и добра! А еще та ведьма.

Ох, попадись она мне на пути...

Я кривлю ухмылку и закрываю дверь, предусмотрительно оглядываясь по сторонам. Теперь враги мерещатся на каждом шагу.

– Что случилось-то, Андрей?

Лицо деда меняется, когда он переводит взгляд на машину и замечает разбитый бампер. Я поспешно объясняю:

– Дорога плохая.

– А я говорил, – ту же отвечает он. – Говорил же, потерпи. После праздников могли бы все спокойно уладить.

– Дед, у меня нет времени. – Злость кипит и пеленой застилает глаза.

Я вымотался. Чертовски сильно устал, взбешен и готов на преступление. Вот бы найти ту ведьму, да ее же лопатой прибить... Тогда бы и настроение улучшилось, и жизнь показа-

лась бы краше.

— У тебя его всегда нет, — ворчит старик, покачав головой. — Что же пошли в дом. Замерз поди. Вырядился в какие-то бабские тряпки. Андрей, у тебя денег нет на нормальную одежду? Кто зимой такое пальто носит? А на ногах-то! Это что тапочки домашние? Валенки надо носить или нормальные сапоги на меху. А не это безобразие.

Я кривлю улыбку. Ну, конечно же, я замерз. А еще я голоден, мой телефон окончательно разрядился, и я без понятия, как выбраться из этой дыры. Видимо, придется искать смельчака, готового за приличную сумму дотащить меня до почищенной дороги. Потому что на ответственность того, кто должен заниматься чисткой дорог, полагаться не стоит. Ненавижу эту деревню.

Последовав за дедом в дом, я вновь верчу головой по сторонам. Вдруг эта чертовка где-то здесь. Так хотелось сжать свои ладони на ее шее... Уверен, шея у нее тонкая, проблем не будет. Только руки для начала отопрею, а то пальцы не гнутся, а после... Ох, после я бы такого с ней сделал, аж скулы свело от злости.

По двору я прошел до дома. Меня облаял Бим — верный товарищ деда. Его пес, который пока лаял, тряс дряхлыми щеками и посматривал на меня полуслепыми глазами. Такой же старый как мой дед, и такой же шумный.

— И что ж тебе дома-то не сиделось? Небось, все праздники уже спланировал? Ты же в прошлом году куда-то там ле-

тал. На острова какие-то? Дома что ль плохо отмечается, – проворчав, он толкает дверь и впускает меня в дом.

– Да, спланировал. Но разве я не могу передумать?

Дед оглядывается и качает головой. Не верит.

– Потому что не хочу, чтобы отец приехал и запудрил тебе мозги.

На мою грубость дед ругается, однако не спорит. Старый, но не дурак. О чем он, впрочем, с завидной регулярностью нам сообщает.

– Эти ваши дележки денег мне уже в корень осточертели. Успокоились бы. Два дурака.

– Дед...

– Уф, не *дедкай* мне! Знаю же, что опять деньги делите, вот и собачитесь. И меня еще втягиваете.

Я снимаю пальто и смотрю на спину старика. По сторонам больше не оглядываюсь. Обстановку помню еще со времен, когда бабушка была жива и я гостил тут. Редко, потому что ненавижу деревню. Память, однако, не подводит. Вешалка для одежды находится все там же по левую руку от входа. Коврики под ногами, вроде бы другие, но разве их разберешь. Все тут друг на друга похожи, вещи и люди. Однако в доме пахнет уютom. В этом дед, несмотря на его характер, мне нравится – оставшись один, он не опустилcя. Следит за хозяйством, дружит с соседями и периодически выносит мозг мне и отцу. Ничего не меняется.

– Дед, ты же знаешь, как можно все решить.

Тот хмыкает и качает головой. Знает и не согласится. Потому что принципиален, как и я. Вот вбил себе в голову, что нужно опередить визит отца и приехал, хотя на сегодняшнюю ночь были планы. С друзьями собирались в арендованный для праздников дом, пить веселиться встречать Новый год... А вместо того чтобы ехать в противоположную сторону, примчался сюда. Упрашивать и унижаться перед стариком.

– Идем чай пить.

– Дед, я же ненадолго, – отвечаю, но иду за ним на кухню, шлепая тапочками по полу.

Мне становится тепло и даже уютно. Забытое чувство, которое совсем не радует. Я расслабляюсь, а это плохо сказывается на деловой части визита. В багажнике остался подарок, предусмотрительно припасенной для деда моей ассистенткой, но обычно все презенты я отправляю с курьерами. Сегодня хотел подстраховаться, заболтать старика, задобрить его черствое сердце. Подарок, врученный лично, отлично помогает в таких делах.

– Сначала чай. Согрейся, а то из носа уже течет.

Он преувеличивает, но я по инерции тяну носом, будто из него действительно свисает зеленая сопля. Старик хмыкает и указывает на свободный стул.

– Давай уже, садись и рассказывай, что у вас там случилось.

Поджав губу, осторожно опускаюсь на стул и посматри-

ваю на топчущегося у плиты старика и прокручиваю в голове правильный ответ. Ему не стоит знать всех подробностей, иначе рассвирепеет, но и утаивать то, что творит отец, не могу.

– Ты уже слышал про сокращение штата.

Дед кивает, но не оборачивается.

– Штат сократили. Тридцать четыре человека уволены по компании в целом. Еще примерно столько пойдут под сокращение в следующем году. В январе будут выдаваться уведомления.

Дед громко, слишком громко выдыхает и оборачивается. На его лице застывает маска раздражения.

– Ну зачем вы так делаете? Зачем? Бедные ребята и девчонки. Они-то в чем виноваты, – бормочет он и возвращается к столу с двумя кружками чая. Одну ставит передо мной, со второй занимает место напротив.

Кружки разные: его темно-шоколадного цвета, моя пестрая и какая-то девчачья. Я смотрю на рисунок и нелепо пожимаю плечами.

– Если я скажу, что не при чём, то ты не поверишь.

– Как ты можешь быть *не при чём*?! – вырывается раздражение. Я резонирую с ним, но держусь. Главное, больше старика не злить. Переманить на свою сторону, заговорить зубы и выпросить так необходимый мне пакет документов.

– Ты знаешь почему. Последнее слово не за мной.

– Но ты генеральный директор.

– На словах.

– А бумажки за тебя кто подписывает? – дед горячится.

– Я, – приходится признать. Я лично подписывал те бумаги. Становится тошно. – Но дед...

– Так, Андрей! Хватит мямлить. Говори, что у вас там? Компания погибается? Вы разорились? Что за чертовщина творится?

– Нет, не погибается.

Но кое-кто очень хочет этого – это я уже мысленно добавляю, потому что в открытую заявить что-то не рискую. Если пойду против отца, дед встанет в стойку. А мне нужно немного другое от него...

– Тогда что...

Нас прерывает уверенный стук в дверь. Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Дед быстро поднимается и произносит:

– Пей чай. Это, наверное, Алевтина пришла. Пироги обещала мне напечь.

Сглотнув слюну, которая мигом появляется после слова пирог (а я нормально не ел с прошлого вечера) киваю и возвращаюсь к своей кружке. У меня небольшая заминка, могу собраться с мыслями и вернуть диалог в нужное русло, но мысли мигом выветриваются, стоит мне услышать уже знакомый голос.

На языке явственно ощущается привкус желчи. Вот она. Нашлась ведьма!

Глава 5

Дядя Петя (хотя по возрасту он годится мне в дедушки, но так уж мы привыкли его называть) живет рядом с бабулей. Их участки граничат, но оба находятся на разных улицах. Поэтому чтобы не делать круг, мы всегда ходим к нему через огород. Благо в деревне почти никто не огораживает свои участки колючей проволокой. Выбравшись из дома с пирогом в руках, я быстро нахожу почищенную дорожку и бодрым шагом иду к соседу. Двор у дяди Пети большой и чистый, и я хорошо помню моменты, когда мы здесь играли, то унося ноги от петуха, то подкармливая кроликов, которых держал раньше сосед.

У дяди Пети есть дети, которых я никогда не видела, и вроде бы внуки примерно моего возраста. Но почему-то они никогда не приезжали в гости. А если и бывали, то с нами не контактировали. Наверное, не тот уровень. Хотя гадать не буду. Знаю, что за ним присматривают, а он приглядывает за моей бабулей, и этого достаточно, чтобы не беспокоиться за них.

Пес по кличке Бим живет в своей огромной будке у ворот, и меня не замечает. Я крадусь тихо. Не хочу, чтобы Бим поднял шум своим старческим кашляющим лаем. Поднимаюсь по лестнице и стучу громко в дверь. Из-за двери слышится

шарканье ног и ответ:

– Иду-иду!

Перекинув с руки на руку пирог, бережно укутанный в полотенца, поправляю шапку. Дверь открывается и сени заполняет теплый воздух.

– Ой, Оленька! Душечка!

Прозвище, которое мне не очень нравится, прочно привязалось за мной благодаря дяде Пети. Я улыбаюсь и позволяю его крепким рукам обнять меня за плечи.

– Алечка не шутила, когда говорила, что ты приедешь. С родителями?

Отрицательно качаю головой.

– Нет, одна. На все праздники.

– Ой, умница. Ой, Душечка! Вот бы мои так приезжали, – на последних словах голос дяди Пети дребезжит от недовольства. Я понимающе киваю и протягиваю пирог. – Что же ты на пороге стоишь? Заходи в дом. Давно приехала?

– Совсем недавно. И я принесла вам пирог. Бабуля просила передать.

– Ой, да-да. Давай. Ну же, Душечка, заходи.

Хочется отказаться, но язык не поворачивается. Жалею старика, один же совсем, и вхожу в дом. Поболтаю с ним минут пять и пойду снег чистить, чтобы машину во двор загнать. Но стоит мне переступить порог, как краешком глаза цепляюсь за то, что слишком выделяется на общем фоне. Модная обувь и пальто, которые я уже видела.

Не может быть... Черт! Не может быть!

– Эй, Андрюша, иди-ка сюда. Познакомлю тебя с Душечкой.

– Не надо, – бормочу губами, пытаюсь ретироваться. Только этого мне еще не хватало. А я ведь так надеялась, что он в поле новогоднюю ночь будет встречать...

Из-за угла появляется он. Идет неспешно, поправляя манжеты. Выглядит так, будто часом ранее не умудрился застрять в снегу на пустынной дороге, а вышел из салона красоты. Волосок к волоску, щеки больше не румяные от мороза. Кожа чуть бледная, ровная, губы сомкнуты в тонкую полосу, и лишь глаза блестят от гнева. В последнем я точно не ошибаюсь. Злится. Очень-очень злится.

– Андрей, познакомься, это Оленька. Внучка Алевтины. Я тебе про нее много рассказывал.

Я теряюсь от слов дяди Пети. Он про меня рассказывал или про мою бабушку? Но судя по тому, как дядя Петя подхватывает меня под локоть (и ведь теперь не сбежишь), говорит он исключительно обо мне. Интересно, что сосед успел наболтать своему родственнику?

– Оленька, а это мой внук. Андрей.

Я киваю, прикидываясь, будто мы незнакомы. Если у него хватит мозгов, подыграет и разойдемся миром. Но бывший Босс Боссыч выгибает левую бровь и растягивает хищную улыбку.

– Приятно познакомиться, Оленька.

Он приближается к нам, протягивая руку. Видимо, я должна пожать эту холеную ладонь с длинными аристократичными пальцами. Я сглатываю комок и киваю, но благодаря дяде Пети, который под локоть меня подталкивает, приходится шагнуть навстречу и поднять свободную руку. И почему у меня ощущение, если я прикоснусь, то сработает дедонатор?

Касание выглядит несколько странным. Рука у этого персонажа теплая, кожа мягкая и бархатистая на ощупь. Мои же ладони пропахли мясным пирогом. В миг прикосновения ничего не взрывается. По крайней мере, по-настоящему, зато внутри как-то необычно екает. Его пальцы оплетаю мои и нажимают. Не больно, но опасно. Кто же его знает, вдруг сломает мне кисть? Хочу выдернуть, но он не позволяет. Держит крепко, чуть-чуть нажимает. Приходится оскалиться в ответ:

– И мне приятно с вами познакомиться, Андрей. – Голос звучит хрипловато.

Мужчина кивает. Его большой палец приподнимается, плавно опускается и... ласкает? Я изумленно перевожу взгляд на наши скрещенные ладони как шпаги и не мигая смотрю на затянувшуюся игру. Кажется, пока дядя Петя отвернувшись, роется в поисках тапок для меня (я же в гости не напрашивалась!) здесь творится какая-то чертовщина...

Перевожу взгляд на лицо гамадрила. Киваю на руку и шепчу: «Отпусти». Тот отрицательно качает головой. В гла-

зах шалют бесенята.

Я выдергиваю руку в тот самый миг, когда дядя Петя выпрямляется и смотрит на нас.

– Оленька, чай с нами попьешь?

– Я...

– Конечно, дед. Конечно, попьет. Заодно попробуем пирог, – последнее слово он выделяет нажимом и смотрит на меня в упор.

Он что думает, что пирог отравлен? Вот еще! Зачем мне портить бабулину стряпню, лучшую на свете?!

– Идем-идем, Оленька! На пять минуточек.

Приходится кивнуть и, переобувшись, следовать за ними. Дядя Петя бодро шаркает ногами по коридору, опередив нас. Я стараюсь не отставать, но чужая ладонь ловит мой локоть. Видимо, это у них семейное.

– И не стыдно?

– За что?

– За то, что бросила там.

– Ни капельки!

Хорошо, что наше шипение дядя Петя не слышит. Сейчас мы похожи на двух хорьков, запертых в бочке с порохом. И у каждого в лапах по коробку спичек!

Глава 6

Я с огромным трудом сдержал себя, чтобы не переломать чудные пальчики ведьмы. Чудные? Черт! Тряхнув головой, уставился в ее спину. Бесится, но виду не подает. Еще бы знать, в чем я-то виноват?

Иду следом, руку о штанину растираю. Хочу избавиться от прикосновения, но, кажется, оно впитывается в кожу как яд. В горле начинает першить от сладковатого запаха. На улице я не замечал этого аромата, а в тесном помещении ее парфюм заиграл новыми нотками. Так пахнет грех.

Черт! Черт! Опять эти мысли.

Вновь трясую головой и вхожу в кухню. Она опередила меня и заняла место подальше от стоящих на столе кружек. Ошиблась. Моя как раз та цветастая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.